

УДК 297 (470.341)

“КАМПАНИЯ ПЕТИЦИЙ” 1905 ГОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ МУСУЛЬМАН РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2005 О.Н. Сенюткина¹, Ю.Н. Гусева²¹ Нижегородский государственный лингвистический университет² Нижегородский государственный университет

На архивных материалах показан уровень осознания общественных проблем мусульманами России в 1905 году, отмечено общее и особенное в понимании этих проблем мусульманами различных регионов империи, утверждено наличие разрыва между позицией казанской политической элиты и настроениями большинства мусульман России.

Во второй половине 1904 года разрозненные тюркские националисты Поволжья и южного Урала (преимущественно татарского происхождения) пришли к общему согласию об объединении и о последовательности своих первых открытых шагов на общероссийском политическом поприще. Причем, представители Казани считали себя вправе и в состоянии выступать от лица мусульман всей России.

Одним из таких первых шагов стала тщательно подготовленная инициатива группы казанских интеллигентов и предпринимателей, осуществленная в январе 1905 года. Тогда были отправлены десятки петиций в адрес правительства, как ответ на декабрьские 1904 года проекты реформ в конфессиональной сфере (Указ 12 декабря)¹. К январю же относятся тесные контакты Р.Ибрагимова с Ю.Акчурой, близким И.Гаспринскому, то есть происходит сближение активных тюркистов Крыма и Казани, а также осуществляется переписка с азербайджанским тюркистом Топчибашевым².

К 28 января был подготовлен и тогда же подписан С.Алкиным, Ю.Акчуриным, А.Сайдашевым и А.Апанаевым текст петиции на имя С.Ю.Витте³. Следует обратить внимание на дату написания и постановки подписей в том документе: думается, что, отправляя свое коллективное послание, авторы весьма могли рассчитывать на благосклонное отношение к нему со стороны доброжелательного к Р.Ибрагимову и ещё бывшего при должности министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского, в чью компетенцию входили и

вопросы конфессионального плана⁴.

Посвятив две страницы славословию в адрес монарха и собственному предельному верноподданничеству⁵, остальные десять страниц они наполнили перечнем тринадцати требований Кабинету министров, суть которых сводилась к серьезному пересмотру и изменению законов в отношении мусульманской конфессии империи. Среди них: избираемость верующими муфтия, а не назначаемость его российской властью; передача дел, касающихся брачных, семейных, наследственных отношений из-под российского гражданского судопроизводства в сферу деятельности ОМДС (Оренбургского Магометанского Духовного собрания); передача в его же ведение вопросов о строительстве мечетей, медресе и развития всего образовательного процесса последних⁶; подчинения и использования вакуфов напрямую ОМДС⁷; вывод из-под государственной цензуры всех сочинений, касающихся любых вопросов исламской религии (в самом тексте это требование означено как “предоставление мусульманам права свободы слова”)⁸; право для всех, причисленных к христианам свободно переходить в ислам по их желанию; обязательное право быть причисленными к исламу всех тех детей-подкидышей, кто взят на воспитание мусульманами; уравнение представителей исламского духовенства и их детей с православными священнослужителями посредством присвоения им звания “почетных граждан”, “с изъятием их из подсудности судов низшего устройства, а в отношении отбывания воинской повинности

уравнять их права с правами духовенства православной церкви”⁹; право обретения сана служителей исламского культа лицами, не владеющими русским языком; предоставление всем мусульманам права издательской деятельности – печатать газеты и журналы “на татарском языке и языках мусульман Востока”; предоставление мусульманам – частным лицам и общественным организациям права открытия общеобразовательных и профессиональных мектебе; права свободного проживания, приобретения недвижимой собственности, торговли, общественной деятельности (подчеркнуто нами - О.С.)¹⁰, выбора свободных профессий.

Среди приведенного перечня пожеланий выделим наиболее существенные. Требование сменить назначение государством муфтия на его периодическую избираемость (и, по сути, изменить существующее законодательство) означало не только угрозу потери властью действительного контроля над многомиллионной исламской конфессией, но и вероятность прихода на эту должность ставленника крупных тюрок-капиталистов и политизированной татарской интеллигенции. Совокупность этих обстоятельств могла вылиться в неуправляемость огромной мусульманской среды России в тревожные годы нарастающих в ней беспорядка и террора. Такое требование не могло быть принято, и не было принято.

Обращает на себя внимание и последний пункт – требование “свободного проживания, приобретения недвижимости, общественной деятельности...”. Нетрудно понять, что виделось подписантам под “свободой общественной деятельности”: полное легитимное право на создание политического объединения, которое, собственно говоря, уже создавалось, но требовало официального признания и статуса легальной организации.

Изложенное означало и то, что в самом начале 1905 года группа казанских интеллигентов весьма напористо заявила правительству о своем существовании, своих планах и о себе, как “представителях” от “уполномоченных” казанскими мусульманами (то есть как о ядре нарождающейся общественной организации), вполне способных говорить от их имени¹¹.

Добавим, что вслед за прошением Ю.Ак-

чурина и др. в столицу посыпались десятки аналогичных (практически дословно повторяющих его) челобитных из татарских деревень Казанской губернии¹². “Кампанию петиций” дополнили ходатайства и из других районов империи.

15 марта 1905 года на совещании азербайджанских предпринимателей и интеллигенции, проходившем в Баку в доме Г.З. Тагиева, был обсужден вопрос о подаче правительству петиции с просьбой расширить права мусульман в общественно-политической жизни страны¹³. Петиция, подписанная от Бакинской губернии Ш.Асадуллаевым, ханом Ширванским, А.Агаевым, М.Р.Векиловым, А.М.Топчибашевым и от Елизаветпольской губернии А.Х.Зиатхановым, Г.Б.Зюльгадаровым¹⁴ поступила в Комитет министров в апреле 1905 года.

В марте 1905 года делегаты с мест во главе с З.Шафигуллиным встретились в Петербурге с находившимся там муфтием М.Султановым. Целью переговоров было решение вопроса об устройстве их аудиенции у главы государства. Рассмотрев смысл и суть петиций, переданных ему графом С.Ю.Витте¹⁵, муфтий Султанов не мог согласиться с их ключевыми требованиями, прежде всего, с правом верующих регулярно переизбирать главу своей конфессии. Конечно, муфтий М.Султанов и группа его сторонников тогда осознанно дистанцировали себя от инициаторов и составителей петиций, но, вряд ли, от подавляющего большинства их подписантов – рядовых мусульман Поволжья и Приуралья.

Давая характеристику множеству поступивших в 1905 году прошений мусульман разных местностей России, власти в качестве главнейших называли охарактеризованное нами выше “послание уполномоченных от Казанского мусульманского общества”, 172 прошения “от магометан Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской и Самарской губерний”, прошение “от уполномоченных татар Касимовского уезда Рязанской губернии, Буйинского уезда Симбирской губернии, а также “от киргизов степных областей”, “мусульман Туркестанского края” и “башкир-мусульман Оренбургской губернии”¹⁶.

Описи прошений, записок и телеграмм от прихожан-мусульман разных деревень и отдельных мечетей ряда губерний, а также от частных лиц по вопросам организации духовной жизни говорят о массовом характере обращений к властям. Об этом можно судить, прежде всего, по описям, сделанным чиновниками Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) для члена Государственного совета графа А.П.Игнатьева с целью дальнейшего обсуждения петиций в Особом Собрании. Проиллюстрируем сказанное некоторыми конкретными деталями. Была сделана опись прошений от мусульман-прихожан Пермской, Самарской, Оренбургской губерний и от частных лиц тех же губерний по состоянию на 6 июля 1905 года¹⁷. Аналогичные документы составлены по прошением из 128 деревень Казанской губернии¹⁸, от Туркестанского края и киргиз-кайсаков Семиреченской области, а также войскового старшины Шабдана Джантаева, подписанного казаками-магометанами и башкирами-мусульманами¹⁹. Кроме того, на имя В.П.Череванского было передано 256 прошений от мусульман ряда губерний, анализ которых показывает, что наибольшую активность в условиях “кампании петиций” проявили магометане Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний²⁰. Позднее, но в том же 1905 году, в Особое Собрание “для согласования действующих узаконений с Именным Высочайшим Указом 17 апреля 1905 года по делам веры” поступили прошения от священнослужителей Оренбургской губернии (73 послания), мусульман города Оренбурга²¹, от мещан и ясачных крестьян (обращение составлено указным муллою, уполномоченным казаками Оренбургского казачьего войска)²².

Обратим внимание на содержание прошений мусульман Оренбургской и Уфимской губерний²³ и сравним его со смыслом обращений казанцев. Отметим, что петиции из Оренбургской и Уфимской областей писались разными лицами. Это жители мусульманских селений, “хатыпы, имамы и муазины, состоящие при мечетях разных приходов”, отдельные частные люди, например, троицкий уездный ахун Ахмет-хаджи Рахманкулов, мусульмане города Оренбурга и

города Орска, магометане-казаки Оренбургского казачьего войска, стерлитамакские купцы и т.д. Социальный состав участников “кампании петиций” от указанных губерний показывает, что в ней были задействованы именно те, кто составлял большинство жителей двух губерний, а именно простые земледельцы, скотоводы и промысловики, по вероисповеданию мусульмане, этнически - преимущественно башкиры и татары. Именно они и составляли большинство населения этих губерний.

Отметим, что ни одна из петиций не содержала революционных идей. Напротив, мусульмане Оренбургской и Уфимской губерний подчеркивали, что согласно их религиозным традициям, они помнят, что “... религия Ислам (покорность) дает один важнейший принцип безусловного служения и подчинения Небесному Царю... А земной Царь есть тень Царя Небесного²⁴ - учит нас Пророк в Хадисах²⁵. Большинство прошений начинались с верноподданнических хвалебных слов в адрес Указа 17 апреля 1905 года о веротерпимости и других распоряжений этого рода: “Любвеобильное сердце Царя всё воскресило”, “Царь окрылил нас и дал нам смелость” (об акте 12 декабря 1904 года), “Всё проснулось после 26 февраля 1903 года, 12 декабря 1904 года и 18 февраля 1905 года”. Податели петиций почувствовали “дыхание осужденного ныне самим Царём бюрократического режима канцелярий разных Ведомств и Министерств²⁶. Далее во всех челобитных говорилось о накопившихся проблемах в делах духовных, мусульманских и завершались челобитные конкретными предложениями в деле организации религиозной повседневной жизни. Очевидно, что сами правительственные документы 1903-1904 годов “развязали руки” формирующимся национальным (мусульманским) элитам, вызвав волну прошений в адрес руководства страны. ДДДИИ МВД пришлось в течение всего 1905 года анализировать поступающие на имя министра внутренних дел челобитные и направлять их в Особое Собрание по делам веры.

Сравнивая петиции из Казанской губернии с прошением оренбуржцев и уфимцев, отметим, что основные вопросы, поднятые в

обращениях, по сути одни и те же. Это проблема полной свободы религиозного вероисповедания, свободы веры²⁷. Понималась эта проблема через необходимость сосредоточения всех духовных дел (избрание муфтиев, строительство мечетей и молитвенных домов, назначение в них духовных лиц, процесс обучения в мектебе и медресе и др.) в компетенции Оренбургского Духовного собрания²⁸. Мусульман-просителей не устраивала зависимость от светской администрации в вышеперечисленных сферах жизни верующих. Вопрос свободы веры осознавался через сравнение положения Русской православной церкви и мусульманской конфессии и сводился к требованию “уравнять права мусульман и православных”²⁹.

Кроме вопроса свободы веры, в числе первостепенных, постоянно предлагаемых к рассмотрению властей, участниками “кампании петиций”, следует назвать проблему мусульманского образования. В духе исламских ценностных ориентаций упор делался на “излюбленные учреждения магометан”³⁰, мектебе и медресе, которые “поддерживаются и содержатся магометанским обществом уже в течение многих поколений и даже нескольких столетий и при том без всяких казенных субсидий”³¹. Акценты в прошениях сделаны разные, что связано с тем, кем являлись авторы. Имамы, прежде всего, обращали внимание на то, чтобы открытие учебных заведений было делом только ОмДС и требовали “вывести мектебе и медресе из-под контроля училищной инспекции Народного просвещения”³². Кроме того, ряд прошений содержал просьбу не открывать при медресе русские классы, считая, что нужно “отменить русифицирующее направление”³³ и вести преподавание только на родном языке³⁴. Часть имамов настаивала на том, чтобы лица, получившие религиозное образование за границей, допускались к преподаванию в российских мусульманских учебных заведениях³⁵. К тому же, они были недовольны “Циркулярным распоряжением Министерства народного просвещения от 10 июля 1892 года за № 12326 касательно изъятия употребляемых мухаммеданскими медресе книг заграничного издания и рукописей” и требовали его отмены³⁶.

Ещё один вопрос, поднимаемый просителями, касался необходимости увязать семейное и наследственное право, действующее на территории России с нормами шариата. Предлагалось первой инстанцией духовного суда считать приход³⁷, а затем “все брачные и наследственные дела передавать ОмДС”³⁸. В ответ на пожелание троцкого уездного ахуна Ахмет-хаджи Рахманкулова, чтобы МДС являлось “последней инстанцией по брачным, бракоразводным и наследственным делам”, чиновник из Особого Совещания по делам веры сделал пометку на полях документа: “А Сенат?”³⁹, тем самым утверждая необходимость сохранения единого правового имперского поля и указывая на то, что предложение, по сути, означало отмену части Свода законов Российского государства (а именно: 1425, ст. XI, ч. 1).

Отметим, что троицкие мусульмане в числе первых обратились к властям после выхода в свет указа от 12 декабря 1904 года. Им было разрешено ознакомиться с работой Редакционной комиссии по вопросам семейного права мусульман, которая была развернута при подготовке проекта гражданского уложения. Подобное взаимодействие чиновников и представителей общественности совершенно не вписывалось в традиционную парадигму развития российского общества, а было обусловлено переломным (предреволюционным и революционным) состоянием жизнедеятельности. Мусульмане Троицка под руководством троцкого уездного ахуна А.Рахманкулова указали на ряд ошибок, неточностей, допущенных Редакционной комиссией, и даже на “забвение элементарных принципов св.Алькорана”⁴⁰.

Во-первых, мусульмане не были согласны с мнением Редакционной комиссии, что “брачное право магометан находится в весьма неудовлетворительном состоянии”⁴¹ и нуждается в реформировании. Они считали, что этот “вывод ни на чем не основан”. Критики проекта опирались в своих рассуждениях на столпы мусульманской веры и приводили многочисленные цитаты из Священного Корана (сура “Жёны” и др.) Они подчеркивали, что “роль реформатора в этой области до сих пор не принимал на себя ни один их выдающихся

и авторитетных мусульманских ученых” и уж, тем более, “либеральные нововведения (в этой сфере - О.Н.) ...нежелательны”, так как ослабляют религиозные чувства⁴². Мусульмане доказывали, что существующая согласно исламской религиозной традиции система семейных отношений должна быть традиционной, так как “прогресс абсолютной религии, как наша, должен выражаться толь ко в верном понимании людьми её истинности”. Этими суждениями участники правки проекта демонстрировали свой мусульманский тип мышления, настаивая на существовании нравственного прогресса только через постижение мудрости Корана. Их вполне устроило, что вопросы жизни семьи на первой инстанции должны были решаться муллами и хатыпами, на второй – ОМДС. А далее они готовы были согласиться с существованием МВД как формальной кассационной инстанцией. В противном случае, при осуществлении либеральных реформ европейского образца, как они замечали, “вместо мулл мы получаем гражданский суд”⁴³, а это лишнее, так как Коран, по их мнению, определил и отношение к женщине, и обстоятельства брако-разводного дела и то, что “публичность не свойственна мусульманскому обществу”⁴⁴, а “стыдливость мусульманской женщины”, которую необходимо учитывать законодателям. Итогом рассуждений явилось то, что “нельзя передавать мусульманские бракоразводные дела в светский христианский (так в источнике - О.Н.) суд”⁴⁵.

Члены мусульманского общества города Троицка считали, что в качестве авторитетной литературы по исламу следует обращаться к тем европейским специалистам, которые писали об особенностях жизни мусульман с симпатией и знанием дела. Они указывали, что ссылки на барона Торнау с его взглядом на мусульманский брак как торговый договор неуместны. Приглашение проф. Нофаля, который консультировал членов комиссии и выступал во время её работы в качестве эксперта недопустимо: он - “исследователь Востока в угоду Западу”, он “чужд нашему вероисповеданию и даже враждебен”⁴⁶. Вместо Нофаля предлагались лица из ОМДС, а для знакомства с литературой о мусульманах - книга немецкого ученого Августа Мюллера,

который писал, что “...мусульманская, нравственная чистота обязана, прежде всего, религии”. Им импонировали высказывания Мюллера, утверждавшего, что “между мусульманами до и после брака существует бесконечно менее безнравственности, чем на Западе Европы”⁴⁷. Оставив в стороне справедливость приведенного суждения, отметим, что замечания, сделанные мусульманами по поводу проекта гражданского права, написанного российскими чиновниками, заслуживают внимания, на наш взгляд, хотя бы потому, что в приведенном диалоге наблюдаются конкретные проявления взаимодействия людей разных конфессий и культур. Выбор аргументации одной из сторон – учет опыта Запада, формирующегося и крепнущего гражданского состояния европейского общества. Аргументация критиков проекта – недопустимость игнорирования даже в малейшей степени коранического знания, норм шариата, мусульманской литературы, изданной в Каире и Казани⁴⁸, мнений членов ОМДС. И всё-таки, несмотря, на наш взгляд, на излишне назидательный тон, избранный рецензентами проекта, сам механизм взаимодействия государственных чиновников с представителями исламской конфессии, несвойственный для деятельности государственного аппарата России и представляющий собой попытку проведения диалога на равных, мог послужить в дальнейшем основой для усиления взаимопонимания государства и общества. Чиновникам была необходима стабильность, а мусульманам, живущим в России, усиление к ним внимания со стороны властей. Основу для диалога составляли условия тогдашней российской жизни.

Начавшие в числе первых диалог с властями троицкие мусульмане и в дальнейшем продолжали участвовать в нем, как и другие мусульманские общества, через петиции.

Что касается собственности мусульманских учреждений, то в некоторых прошениях 1905 года прозвучала мысль о необходимости “отменить закон об ограничении приобретения на правах собственности недвижимого имущества в среднеазиатских странах России”⁴⁹, разрешить вакуфы⁵⁰, восстановить право мусульман на “владение усадебной землею (Сыр-Дарьинская,

Уральская и Тургайская области) наравне с киргизами, саргами и православными⁵¹.

Ещё один вопрос, волновавший подавших петиции мусульман, был связан с прохождением ими воинской службы. Смысл предложений сводился к следующим пунктам: освободить мусульманское духовенство от службы⁵², иметь в российской армии военных мулл, поставленных на государственный оклад⁵³, разрешить для мусульман, призываемых в армию, давать присягу на родном языке (“так как русский перевод не соответствует духу и святости присяги”)⁵⁴, а также исключить из пищевого рациона служащих мусульман алкоголь и не отвечающую религиозным нормам пищу⁵⁵. Мы выделили из прошений наиболее значимые из требований, более часто повторяющиеся в челобитных.

Скажем также о реже встречаемых, но, тем не менее, с горечью выраженных проблемах бытия мусульман России того времени. В частности, это поставленный в ряде петиций женский вопрос. Развитие городов с их особым жизненным укладом, эмансипация женщин, иногда доходившая до уродливых крайностей, развитие рынка услуг разного сорта серьезно входили в противоречие с традиционными нормами жизни женщин-мусульманок. В ряде обращений к властям звучали мысли о необходимости запретить мусульманам открывать дома терпимости и о недопущении женщин-мусульманок к занятию проституцией. Для чиновника ДДДИИ этот поднятый мусульманами вопрос показался новым и неясным. Он подчеркнул эти предложения и поставил знак вопроса, видимо, недоумевая, как это может быть осуществлено на практике⁵⁶.

Анализ рассмотренных прошений позволяет утверждать, что наряду с приоритетными вопросами повседневной, религиозной жизни, авторы обращений начинали ставить и проблемы этнического характера, увязывая их с духовной жизнью. Это говорит о развертывавшихся процессах формирования этнического самосознания, подталкиваемых в какой-то степени размышлениями о состоянии духовно-религиозной жизни.

Например, можно ли считать неграмотными тех татар, которые умели писать и чи-

тать по-татарски, но не знали, как это можно сделать по-русски (“доселе все мухаммедане и муллы даже считались неграмотными, если не знали русской грамоты”⁵⁷). Поставленный перед чиновниками вопрос сопровождался практическим предложением: “освободить мулл от обязанностей изучать русский язык (“совершенно не производительно”, “главное - знать духовные науки”)⁵⁸.

Интересным, на наш взгляд, представляется сделанное в рамках той же “кампании петиций” в 1905 году, ходатайство киргизов Тургайской области. В самой просьбе учредить особое Киргиз-Кайсацкое духовное мусульманское управление уже содержится некий момент обособления от мусульман другой этнической принадлежности. Кроме того, в прошении выражена идея “видеть во главе этого управления европейски образованного человека: чтобы муфтий был избираем из киргизов с высшим или средним образованием и даже без высших познаний в мусульманском богословии”⁵⁹. Эта идея, высказанная киргизами, подтверждает наше рассуждение о том, что национальные формы организации (в определенном смысле, даже наднациональные, светские) начинают свое продвижение в сознании людей наряду с дальнейшим утверждением религиозных. В ходатайстве была проведена мысль о необходимости развития народа в сторону “гуманности, человеколюбия, без различия национальности и веры”⁶⁰, звучавшая для того времени как опережающая умонастроения большинства людей российского сообщества.

Мотив некоторого противопоставления другим народам звучит в прошении башкир Тангауровской волости Орского уезда Оренбургской губернии⁶¹. В нём, с богословской точки зрения, трактуется момент соединения народов в Российской империи (“по неисповедимому промыслу их исторической жизни”), а башкирский народ рассматривается как “обладатель наиболее скорбной и наиболее безысходно-печальной исторической летописи своей многовековой жизни”, что подтверждается давлением азиатских народов XII-XIII веков, русификацией, произволом чиновников, подавлением башкирских восстаний XVII-XVIII веков, расхищением башкир-

ских земель в XIX столетии.

Стремление выжить, укрепиться этнически и, тем самым, избежать русификации было вполне естественным и оправданным. Справедливо подчеркивалось, что “получившие русское воспитание и светское образование почти никогда не возвращались и не возвращаются в свои семьи, помогать своим, обыкновенно все они исчезают в водовороте жизни больших центров и чужих городов и мест”⁶². С современных позиций глобалистики, неизбежность сближения народов заставляет гасить подобные негативные этнические чувства. Однако, с точки зрения этносознания, их выражение являлось вполне естественным и понятным.

То, что мусульмане теряли, осознавая этническую принадлежность, сцементированность религиозного характера, было отмечено чиновниками царской администрации. Так, устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант фон Кауфман высказал мысль о разжижении “мусульманской солидарности”, анализируя уклад жизни народов Туркестана в начале XX века. По его мнению, это было отрицательным моментом для сохранения имперского состояния в целостности и сохранности: “политика невмешательства в дела местных туземцев” должна была сохранить спокойствие, политическую апатию туркмен и других, живущих традиционно⁶³. Аполитичность большинства населения Туркестана и то, что местные священнослужители не шли в политику, было выгодно государству.

Этномоменты, имевшие место в челобитных, часто выражались с помощью исторической памяти либо этноса в целом, либо его частей (например, группы людей, проживавших в одном селении, либо групп населения, сложившихся на базе ряда этнических единиц и т.д.). Иногда авторы петиций прибегали к кратким историческим экскурсам. Например, в ходатайстве жителей Сеитовского посада Оренбургской губернии на имя императора⁶⁴ говорилось: “Прошло около 200 лет с тех пор, как нам предоставлено было право селиться в Оренбургском крае, а именно в посаде Сеитовском... на условиях при-

знания в нас полноправных граждан”. А далее челобитчики с горечью говорили о нарушениях их прав и делали вывод: “мы превратились в какую-то особенную народность, как бы не имеющую ничего общего с российскими подданными”⁶⁵. Интересен момент самоидентификации и осознания ущемленного положения по сравнению с русскими.

Заканчивая анализ прошений, поданных “наверх” в ходе “кампании петиций” 1905 года, подчеркнем следующее. Мусульмане Оренбургской и Уфимской губерний отделяют себя, как они отмечают, от “русских мусульман”, подразумевая под ними последователей ислама, проживавших в губерниях центральной европейской части России, прежде всего, в Казанской губернии. Значит, на самоидентификации отдельных мусульманских групп сказывались особенности исторического развития различных регионов страны.

В свою очередь, власти отметили различия в формах выражения интересов мусульман из разных губерний (“разные нужды мусульман отдельных местностей”). Для имперского баланса и стабильности было необходимо проанализировать все поступившие предложения и выявить те моменты, которые могли быть чреватые нарастанием конфликтности в обществе. Власти уловили наибольшую активность татар Казанской губернии, особенно их верхушки: развитие не столько тюркизма, сколько татаризма, башкиризма и т.д. Правительство не желало того, чтобы шла дальнейшая татаризация и создавалась политическая оппозиция в лице активных татар-мусульман, вовлекающих в сферу своего влияния иные этносы мусульманской конфессии.

Тем не менее, несмотря на различия внутри мусульманской конфессии российского общества, связанные с особенностями исторического развития, очевидно, что подавляющая часть петиций вовсе не касалась вопросов политической жизни страны, замыкая круг перечисляемых проблем религиозной сферой, в некоторой степени сферой этнической, но не политической. Крайней редкостью для петиций являлись просьбы введения свободы слова, печати⁶⁶, разрешения “ежегодных съездов мулл для единообразного разрешения но-

вых вопросов”⁶⁷. Такие обстоятельства заставляют полагать, что зарождающееся в начале XX века движение тюркских националистов, пытающихся говорить от имени “двадцати миллионов российских мусульман”, изначально было оторвано и от руководства исламской конфессии и от подавляющего большинства мусульманских верующих.

Данное положение, подмеченное ещё современной ему социал-демократической прессой⁶⁸ и ранними исследователями сюжета⁶⁹, убеждает в том, что рождающаяся партия (как и большинство иных буржуазных националистических российских партий того времени) отражала политические настроения и социальные интересы лишь незначительной части тюркского сообщества (известных журналистов, литераторов, общественных деятелей, адвокатов, помещиков, крупных коммерсантов, некоторых заполитизированных служащих исламского культа⁷⁰ и др.), неспособных к волеизъявлению политических взглядов миллионов российских мусульман. Неспособных ещё и потому, что основная масса мусульман России была политически инертна и, преимущественно, не обладала глубоко осознанными политическими интересами.

Используя выражение Люсьена Февра о “неясных движениях безымянных человеческих масс, обреченных ... на черную работу истории”⁷¹, позволим себе сказать, что такого рода документы как прошения мусульман российских обществ 1905 года, несколько приближают историка к пониманию роли, сыгранной рядовыми мусульманами в деле зарождения тюркизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет об Указе от 12 декабря 1904 г. “Об охране терпимости в делах веры” - Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г. – ПСЗРИ. Собр. третье, 1904. СПб., 1907. Т.24. № 25495 /Собрание Высочайших указов, министерских разъяснений и других статей по вопросам о веротерпимости в России. СПб., 1909. С. 21-22.

² Об этих личных контактах и переписке упоминает А.Ю.Хайбутдинов (Лидеры нации.

Казань, 2003. С. 48), сделавший следующее умозаключение: “именно тогда началось великое объединительное движение мусульман России, своим размахом поразившее даже Ленина”.

³ Его подлинник: Российский государственный исторический архив (РГИА) – СПб., Ф. 821, Оп. 10, Д. 15, ЛЛ. 1-6 об.

⁴ Однако, в этом смысле им не повезло: 28 января того же 1905 г. Святополк-Мирский был снят со своего поста, а у премьера Витте, как показал текстологический анализ первоисточника, петиция не вызвала особого восторга. (Поля той машинописной петиции достаточно испещрены карандашными пометками, отражающими весьма негативный настрой главы правительства на предмет довольно настойчивых и неадекватных требований самозванных “уполномоченных” – казанских мусульман.)

⁵ Называя его “Возлюбленным Монархом нашим”, “Нашим Венценосным Вождем”, “преисполненным милосердия, по Царственной природе своей, чуждой даже справедливому гневу”, а себя самих “горячо любящими Его верноподданными”, “преисполненными сыновней верноподданнической благодарностью” и т.п. - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 15, ЛЛ. 1-1 об.

⁶ Против этого пункта на полях прошения рукой С.Ю.Витте помечено: “программы?” то есть Витте ставил вопрос: “Кто будет формировать учебные программы в таких заведениях?”.

⁷ Здесь (на полях) Витте резонно помечает вновь: “Нельзя подчинить одному лишь Духовному Собранию”.

⁸ Против этого пункта премьер сделал очередную помету: “правительство не должно ввязываться ни в литературные дебаты, ни в решение богословских вопросов”.

⁹ На это Витте возражает довольно резко: “Ни в коем случае”. Забегая несколько вперед, подчеркнем: и этот пункт прошения из Казани российское правительство удовлетворит полностью весной 1905 г., несмотря на открытое возражение самого главы имперского правительства.

¹⁰ По сути, в самом конце петиции её авторы как бы вскользь и на пестром фоне иных

- пожеланий ставили вопрос о разрешении правительством создания их собственной общественной структуры (по сути политической партии), по форме называя её реализацией “общественной деятельности”.
- ¹¹ Отметим, что термин “представители” в контексте подлинника прошения С.Ю.Витте обвел карандашом, как бы недоумевая, кто и на каком основании выбирал “представителей” и “уполномочил” подписантов обращаться напрямую и по тем временам довольно безапелляционно к главе правительства Российской империи.
- ¹² РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 15, лл. 7-345.
- ¹³ Каспий. 1905. № 47. 17 марта.
- ¹⁴ Текст петиции сохранился в РГИА, Ф. 1276, Оп. 1, Д. 107, л. 65 об. Сеидзаде назвала эту петицию “первым документом азербайджанской буржуазии, обращенным к царским властям” - Сеидзаде Д.Б. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX века. Баку, 1978. С. 59.
- ¹⁵ При встрече с муфтием в марте 1905 г. премьер сказал ему: “Поезжайте в Уфу. Соберите всех нужных имамов на общее совещание, составьте проект о ваших религиозных нуждах, потом передадите его мне” - Цит. по: Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань, 1926. С. 173.
- ¹⁶ Ходатайства и постановления мусульманских обществ о преобразовании их духовного быта. 1905 г. – Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. М., 2001. С. 304-305.
- ¹⁷ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 24, Л. 55-62, 63-67.
- ¹⁸ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 24, ЛЛ. 67-73.
- ¹⁹ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 24, ЛЛ. 77-78.
- ²⁰ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 24, ЛЛ. 79-199.
- ²¹ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 62-72.
- ²² РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 24, ЛЛ. 279-286.
- ²³ РГИА (СПб.), Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 1-324; Д. 26, ЛЛ. 1-316.
- ²⁴ Понимание характера власти мусульманами России и возможности поклонения русскому царю уже тогда было вопросом дискуссионным. Какого царя (императора России или халифа) считать “тенью Царя Небесного” - Аллаха?
- ²⁵ Прощение от обществ селения Султакаева Новобашкирской волости от 20 мая 1905 года - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 28 и др.
- ²⁶ Прощение от обществ селения Султакаева Новобашкирской волости от 20 мая 1905 года - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 1-6; Л. 46; Л. 94; Д. 26, Л. 9-12, 13 и др.
- ²⁷ Председателю Совета министров от уполномоченных башкир Тангауровской волости Орского уезда Оренбургской губернии - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 174 об.; Докладная записка уполномоченного Стерлитамакского магометанского общества купцов Зарифа Ибрагимовича Утямышева от 28 апреля 1905 года - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 26, ЛЛ. 9-13; а также - Д. 25, Л. 28, Л. 175 и др.
- ²⁸ Прощение поверенного из крестьян, мухаммеданина, прихожанина менового двора города Оренбурга, 3-й части, Мубаракши Абдрахманова от 4 марта 1905 года - РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 57-58, Председателю Комитета министров уполномоченных от татар-магометан города Орска Оренбургской губернии докладная записка от 11 апреля 1905 года - Там же, Л. 253, а также Л. 28, 94 об., 158 и др.
- ²⁹ Прощение от мусульманских селений Бурзян-Кипчакской волости - РГИА, Ф. 821, оп. 10, Д. 25, Л. 28, 94 об. и др.
- ³⁰ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 26, л. 12 об.
- ³¹ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 26, л. 11 об.
- ³² РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, л. 6; л. 94 об. и др.
- ³³ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 13-14.
- ³⁴ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 28, 175 и др.
- ³⁵ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 14, 28.
- ³⁶ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 58.
- ³⁷ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 12, 58 и др.
- ³⁸ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 94 об.
- ³⁹ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 256.
- ⁴⁰ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 258.
- ⁴¹ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 259 об.
- ⁴² РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 259 об.
- ⁴³ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 258 об.
- ⁴⁴ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 261 об.
- ⁴⁵ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 261.
- ⁴⁶ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 262 об.
- ⁴⁷ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 258 об.
- ⁴⁸ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 261 об.
- ⁴⁹ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 14.

- ⁵⁰ РГИА Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 28.
⁵¹ РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 58.
⁵² РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 58.
⁵³ РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, ЛЛ. 28, 94 об.
⁵⁴ РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 94 об.
⁵⁵ РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 95.
⁵⁶ РГИА Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 95, 169 и др.
⁵⁷ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, д. 25, ЛЛ. 57-58.
⁵⁸ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, д. 25, Л. 58 и далее - частые повторения тех же рассуждений см. - Там же, д. 26, ЛЛ. 10-211.
⁵⁹ Ходатайства и постановления... 1905 год - Арапов... С. 305-306.
⁶⁰ Ходатайства и постановления... 1905 год - Арапов... С. 306.
⁶¹ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, ЛЛ. 173-175.
⁶² РГИА, Ф. 821, О. 10, Д. 26, Л. 12 об.
⁶³ Арапов... С. 296-297.
⁶⁴ Арапов..., Д. 25, ЛЛ. 94-95.
⁶⁵ Арапов..., Л. 94.
⁶⁶ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 94 об.
⁶⁷ РГИА, Ф. 821, Оп. 10, Д. 25, Л. 95.
⁶⁸ Урал. 1905-1906.
⁶⁹ Аршаруни А., Габидулин Х. Ук. соч. С. 33; Ибрагимов Г. Ук. соч. С. 142 и др.
⁷⁰ Преимущественно тех, кто находился в неприязненных или конфликтных отношениях с муфтием М.Султановым.
⁷¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. 629 с. С. 98.

THE PETITIONARY CAMPAIGN AS REFLECTION OF MOSLEM RUSSIAN PUBLIC OPINION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (1905)

© 2005 O.N. Senjutkina¹, Yu.N.Guseva²

¹ Nizhny Novgorod Linguistic University

² Nizhny Novgorod University

The paper contains essential information on the level of public opinion comprehension of what was happening at the beginning of the XX century by Russian Moslems. The author analyses the archival materials. The archival base gives to author the possibility to compare the specific features of development of Moslem Russian Empire regions.